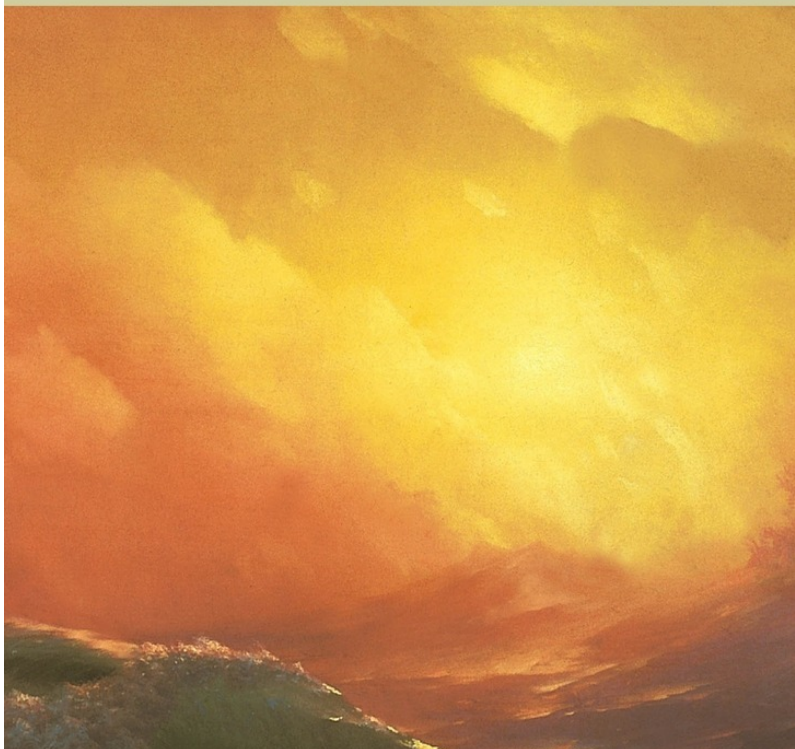

Валерий Казаков

Портрет жены

Повесть о настоящей любви

Валерий Казаков
Портрет жены. Повесть
о настоящей любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29804296

ISBN 9785449043405

Аннотация

Молодой разочарованный художник возвращается из северной столицы на родину, окунается в обычную сельскую жизнь, и неожиданно для себя встречает здесь ту женщину, которую искал всю жизнь. Только сейчас он понимает, что такое настоящая любовь, как она возвышает душу и помогает найти свой путь в искусстве.

Портрет жены Повесть о настоящей любви

Валерий Казаков

© Валерий Казаков, 2018

ISBN 978-5-4490-4340-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Возвращение

Дома, как это ни странно, моему возвращению из Ленинграда все были рады. Отец сказал, что в последнее время быстро устает работать по хозяйству, да и на пасеке тоже одному несладко. Так что, если я сейчас его заменю, то это будет очень даже кстати, а живопись, если разобраться, – это дело пустое, для здешних мест непривычное. К тому же одной живописью сыт не будешь, надо чем-то серьёзным заниматься, хотя бы дрова заготавливать на продажу, что ли.

Вечером пришел к нам в гости старый сосед Аркадий Кириллович Кривошеин. Сказал, что снегу в лесу уже выше колена, а делянку на дрова ещё только-только стали раздавать где-то за рекой в Шурминском лесничестве. По этому слу-

чаю лесник Абрамов пьёт вторую неделю и ходит по всей деревне из дома в дом, как родственник какой. Знает, что ему сейчас никто не откажет, хотя не все в его дровах нуждаются, но на всякий случай подают.

Разговор со старым соседом затянулся. В середине вечера мать поднесла соседу кружку браги, настоящей на пчелиной перге, сосед брагу выпил, но не ушел, только слегка покраснелся и стал ещё более словоохотливым. С дел житейских перешел на политику, углубился в экономические проблемы, и все домашние поняли, что без второй кружки тут не обойтись... В конце концов, мать посоветовала мне не слушать их, стариков, а сходить в новый Дом культуры, чтобы к молодежи нынешней присмотреться.

– Там сейчас новый руководитель Лида Брагина – воспитанница местного детдома. Она человек увлеченный, – пояснила мать. – Молодежь вокруг неё так и вьётся. Молодые люди спектакли ставят по Чехову. В последний раз представление было на Новый год – так все плакали и восторгались – до того чудно.

Выслушав мать, я ничего не ответил. Да и не понял толком, к чему она клонит. Просто облегченно вздохнул, ушел в свою комнату и пролежал там часа полтора, пока надоедливый сосед не удалился восвояси. Мне не хотелось никуда идти, не хотелось шевелиться и даже думать ни о чем не хотелось. Моя душа была пуста, мысли спутаны.

Поздно вечером я случайно подслушал разговор моих ро-

дителей на кухне. Мать стояла ко мне спиной (кажется, мыла посуду), а отец сидел у заиндевелого окна на старинном стуле, смотрел в темноту и говорил:

– От него я ничего хорошего не жду. Несерьёзный он какой-то. И всё куда-то бежит, едет. Миша выучился на военного врача, Сергей на ветеринара, а этот, – он махнул обреченно рукой в сторону моей спальни, – так и будет до старости на нашей шее сидеть, И не женится, наверное, никогда, и дома своего иметь не будет. Кому он нужен такой неустроенный?

– Да как же, – не согласилась мать, – он в Ленинграде на большом заводе работал, комнату в общежитии имел, как все люди. Его там ценили. Может, ещё и вернется туда, если одумается.

– Да нет. Сейчас уже никуда он не вернется. Начнет опять рисовать, строгать подрамники да холсты грунтовать – вот и всё. Как будто это достойное занятие для здорового мужика.

– У него талант.

– Да нет никакого таланта. Дурь одна. И когда это в нем перемелется – одному Богу известно. Жил бы уж, как все люди. Башкой зря не вертел. За ум брался.

– Талант у него, – повторила мать.

После слов отца мне действительно захотелось поскорее вырваться на улицу в прохладный омут ночи. Пока я одевался, голоса на кухне, кажется, были уже неслышны, только мерно тикали большие настенные часы в деревянном футляре да надоедливая муха тонко гудела где-то под потолком.

По тёмной прихожей я выбрался на улицу, ничего никому не сказав и даже не скрипнув дверь. Мартовская ночь одарила меня ветреной оттепелью. В лицо пахнуло мелкой туманной влагой и лесной свежестью, настоящей на запахе хвои. Появилось ощущение близкой весны и такого же близкого разочарования, потому что я не представлял себе весны без любви, весны без вдохновения, без чего-то возвышенного. Так было всегда.

Я направился было в Дом культуры, но нашел на его ме-

сте только тёмные развалины старого пепелища и торчащие из них красноватые от ржавчины трубы. Постоял немного над этим скорбным местом и повернул к реке. Прошел в нужном направлении уже довольно много, когда заметил свет в окнах местной библиотеки. Как это ни странно, она всё ещё была открыта. Это воодушевило меня. По сумрачному коридору холодного тамбура я добрался до её двери, привычно потянул на себя металлическую ручку. Но не тут-то было, дверь оказалась запертой изнутри. Несколько секунд я решал, как мне поступить, потом машинально поднял руку и несколько раз постучал по дверному косяку. С той стороны двери слышались чьи-то шаги, щелкнул крючок, что-то скрипнуло, и дверь распахнулась. Яркий поток света ударил мне в глаза. И в этом свете я увидел нахмуренное лицо молодой высокой женщины с пуховой шалью на плечах. Сзади, за её спиной и ближе к окну, сидела за столом ещё одна женщина, она что-то писала. Та, вторая, показалась мне моложе и привлекательнее первой.

– Мы не работаем сегодня, – пояснила та, что была старше, – книги разбираем. А вы приходите завтра с утра, если нужно.

В это время молодая подняла на меня глаза, повернулась ко мне в полупрофиль, и... меня как будто ударило током. Я узнал глаза Маргариты. Я понял, что не смогу забыть их никогда. Видимо, я всё ещё люблю её. И жизнь для меня снова обрела смысл. Я ещё не знал, как буду действовать

дальше, что попытаюсь предпринять в следующий момент или на следующий день, но уже предчувствовал, что это мой последний шанс. Я не могу его упустить, не должен. Я ещё немного постоял в странной растерянности на пороге, потом извинился, отступил в тёмные сени и тихо прикрыл за собой тяжёлую дверь. Потом шел по дороге к дому и повторял: «Я обязательно должен познакомиться с этой женщиной».

Утром на следующий день я проснулся необычно рано и долго лежал в кровати, восстанавливая в памяти весь вчерашний вечер. Почему-то он казался мне знаменательным. После него в моей жизни что-то обязательно должно измениться, – я это чувствовал. Когда в мою комнату вошла мать, чтобы позвать меня к завтраку, я посмотрела на неё смущенно, и спросил деланно равнодушным тоном:

– А ты, мама, не знаешь, кто у нас сейчас в библиотеке работает?

– В библиотеке? – переспросила мать удивленно.

– Да.

– Какая-то городская, новенькая. У неё ещё фамилия непривычная такая. Церковная.

– Ну? И какая у неё фамилия?

– Сейчас припомню, сейчас...

– А звать её как?

– Жанной звать, Жанной. А фамилия... Ну, непривычная такая. Ладан, кажется.

– Жанна Ладан?

– Да. Она, говорят, уже замужем была. Ребенок у родителей живет в Уржуме, а сама тут... Да ты больно-то на неё рот не разевай. К ней, говорят, ухажер из города ездит на иностранной машине. И курит она. Не нашего поля ягода. Таких здесь не любят.

Когда мать ушла, по привычке плотно прикрыв за собой дверь, я закинул руки за голову и долго лежал так, беспричинно улыбаясь. «Она свободна, – думал я, – это главное».

Потом с улицы пришел отец, сказал, что у него для меня хорошая новость. Он только что видел бригадира колхозных плотников Александра Петровича Галкина. Тот подрядился строить новый дом и согласен взять меня к себе в бригаду.

– Александр Петрович человек опытный, – убеждал отец, – он тебя всему научит. И углы рубить, и пазить выбирать, и фундамент из кирпича выкладывать. И бригада у него небольшая – три человека всего. Ты будешь четвёртым. Да и получают они прилично... А дома-то ты ничего не высидишь и на картинах своих ничего не заработаешь. Баловство это. Дурь. Так что соглашайся.

И я согласился. Я убедил себя, что это мне действительно нужно, что работа в плотницкой бригаде не займет у меня много времени, и возможность сходить на этюды я обязательно найду. А по вечерам буду наведываться в местную

библиотеку. Присмотрюсь к Жанне Ладан – начну изда-
лка, сначала стану примерным читателем, увлекусь трудами
немецких философов и современных писателей. Начну рас-
суждать о прозе Марселя Пруста и Владимира Набокова (я
давно заметил между ними какое-то скрытое сходство), а по-
том, как бы между прочим, прочитаю ей свое самое любимое
стихотворение из книги Николая Гумилева «К синей звез-
де».

*Однообразные мелькают
Всё с той же болью дни мои,
Как будто розы опадают
И умирают соловьи.*

Она выслушает меня и всё поймет. Поймет, что я неиспра-
вимый романтик, что хаотическое нагромождение обыден-
ной жизни вокруг меня – это чужая, чуждая мне среда, к ко-
торой я равнодушен. Что моя любовь будет самой искренней
и самой сердечной, и эту любовь уже ничто не сможет раз-
рушить, потому что вместе с ней разрушится вся моя жизнь.

– Так ты в бригаду пойдешь? – ещё раз спросил после за-
втрака отец, глядя на меня с печальной строгостью.

– А куда мне деваться, – с улыбкой ответил я.

– Ну, тогда завтра подходи к колхозной конторе. Там
Александр Петрович будет тебя ждать.

Но неожиданно оказалось, что на общем собрании колхоза, которое состоялось в понедельник вечером, правление колхоза отложило строительство нового дома до тепла. То есть примерно до середины мая.

Всё это время я перебивался случайными заработками: колоч дрова, ремонтировал заборы, сбрасывал с крыш затвердевший за зиму снег. По вечерам брал книги в местной библиотеке и с грустью вспоминал свою Маргариту, которая осталась где-то там, в другой жизни, о которой здесь, в вятской глуши, почти ничего мне не напоминает. Первого тепла я ждал как спасенья. Как истины, способной разрешить все мои проблемы.

Наконец, однажды вечером в конце мая обрадованный отец зашел ко мне в комнату и сказал, что пора идти рядиться. Вся бригада уже в сборе. Они будут ждать меня у колхозной конторы.

На следующий день рано утром я направился к колхозной конторе, которая располагалась в центре села и была когда-то загородным имением известного купца Шамова. Контора представляла из себя каменный дом в два этажа, крытый железом, который со стороны казался довольно приземистым. Возле здания конторы располагался выцветший стенд социалистического соревнования, какая-то непонятная железная конструкция в виде мачты и деревянный клуб, чем-то похожий на маленький коровник.

Ещё издали на широком крыльце конторы я заметил коренастого старика с окладистой рыжей бородой и такими же рыжими всклокоченными усами. Он о чем-то беседовал с двумя сухонькими загорелыми мужиками, один из которых всё время разводил руками и громко прихихатывал, а другой угрюмо смотрел себе под ноги и молчал. На голове у старика была выцветшая соломенная шляпа, на плечах – военная гимнастерка образца сорок первого года, на ногах – синие милицейские брюки с лампасами и хромовые сапоги. В лице старика, пожалуй, не было ничего необычного. Широкие скулы, большой рыхлый, с тёмными крапинками нос красноватого цвета, маленькие хитрые глазки. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы увидеть в нем потомственного плотника. «Скорее всего, это и есть Александр Петрович», – решил я, подходя к крыльцу.

Через несколько минут я уже почти всё знал и о двух других представителях нашей будущей бригады. Одного из них звали Николаем, другого Василием. Оба они были как бы на одно лицо: с раннего утра уже слегка навеселе, неряшливо одетые, безразличные к своему внешнему виду и к форме выражения своих мыслей. Я понял, что первое время мне будет тяжело с ними, но отступить было некуда. Надо привыкать к тому, что есть, надо уметь приспособливаться.

Потом мы ещё несколько дней встречались там же. Ходили в колхозную контору заключать договор. С договором что-то не клеилось. Колхозный строитель не давал той сум-

мы, которую просил наш бригадир. Председатель колхоза выступал на стороне строителя, мы горой стояли за нашего бригадира. В общем, дело не клеилось. Раздосадовавшись, Александр Петрович даже высказал мысль, что из этой затеи (если всё именно так пойдет и дальше), пожалуй, ничего хорошего не получится, но всё же нашел в себе силы довести начатое дело до конца. За постройку одноквартирного дома нам должны были заплатить пять тысяч триста двадцать рублей. Кажется, не так уж мало. Но в процессе работы мы неожиданно узнали, что Александр Петрович по своей глупости вместо одного заключил два договора. Один на слом старого дома и подвозку строительных материалов, а другой на постройку нового. Тут-то и начались разногласия. Колька Купцов, по прозвищу Замес, который не так давно вернулся из мест не столь отдаленных, сказал:

– Хреновину ты сбуровил, Петрович. Надуют тебя конторские с этими договорами, даю башку на отсечение.

– Почему? – не понял бригадир.

– Потому что по дополнительному наряду мы ничего не получим. Это фуфло.

– Договор есть договор. Куда они денутся, – стал увещевать Кольку Александр Петрович.

– А вот куда, – начал объяснять Колька, загибая свои закорюзлые пальцы. – Ты по основному договору три с половиной тысячи получишь – и гуляй Вася.

– Как это?

– А ты сам посмотри ладом. Второй-то договор у тебя без печатей. Такие бумаги банк к оплате не принимает. Это липа.

– Да как же липа. У меня ведь свидетели есть. Я, если нужно будет, бучу подниму, – пригрозил Александр Петрович. – Они меня знают. Я бывший фронтовик, мне терять нечего. Моя берданка всегда наготове.

– А сейчас это не поможет. Ты под основным договором расписался?

– Расписался.

– Ну, вот и всё. Там сумма указана, три тысячи триста.

– Сейчас посмотрю.

– Посмотри, посмотри, – посоветовал Николай с усмешкой.

– Да... Три триста.

– Ну, вот и всё! Гуля Вася.

– А второй наряд без печатей.

– Да. Без печатей.

– Ну вот, – с иронией заключил Колька. – Вот и всё. Олух ты, Петрович!

После этого разговора мужики весь день работали с плохим настроением, а вечером решили немного выпить. Не для куража конечно, а так – для того, чтобы на душе полегчало. Сложились на водку, передали деньги Васе Карпикову – четвертому члену бригады, русоволосому, привычной внешности мужику, и тот как-то очень охотно, можно сказать, с радостью сбегал в сельповский магазин.

Пока он бегал, мы осмотрели место будущего строительства. Решили, что работы ещё много. Дом, который мы должны были сломать, представлял из себя длинное и мрачное деревянное здание, состоящее из трех равных частей. Первая часть, то есть первая квартира в этом доме, принадлежала когда-то видному в здешних местах революционеру Якову Борисовичу Барковскому. До конца восьмидесятых годов в ней располагался небольшой музей, из-за этого на пыльном фасаде дома со стороны улицы всё ещё красовалась мемориальная доска с барельефом славного революционера. В процессе работы нам предстояло осторожно убрать эту доску и передать на хранение в местный краеведческий музей. Но с этой задачей мы, что называется, не справились. Как-то во время очередной попойки, когда нам не хватало до полного счастья граммов по сто – сто пятьдесят, Колька Замес взял хищно изогнутый ржавый гвоздодер и одним ударом скovyрнул со стены дома памятную доску.

– Тут меди будет килограмма четыре, мужики. Зачем добру пропадать? Так ведь? Медь сейчас дорогая.

И, не дождавшись нашего ответа, привычным путем побежал к нелегальному скупщику цветного металла Прохору Лопатину, который жил на соседа ней улице в новом доме, заросшем со всех сторон ржавым железным хламом.

После Колькиного возвращения пьянка продолжилась, а я почему-то подумал, что всё самое скверное в России происходит как бы между делом, не в соответствии с нравствен-

ным чувством, а вопреки всему. И этому не найти подходящего объяснения. Просто так происходит, и всё. Это как брызги, после прыжка в мутную воду.

Потом, когда мы, слегка пошатываясь, весело прогуливались по дому старого революционера, я высказал Кольке упрек, мол, всё это как-то не по-людски, нечестно получилось насчет доски. Так вообще-то не делается. На что Колька ответил:

– А Царя убивать было хорошо? Честно? Дочерей его юных и сына – калеку? Хорошо, правильно?

– Не знаю, – искренне ответил я, – но память есть память. Надо всё в памяти сохранить: и хорошее, и плохое.

– Сохраним, – заверил Колька. – Без досок и знамен сохраним. Ты не сомневайся. Всё этим гадам припомним потом. За всё они ответят.

Я обратил внимание, что в квартире известного революционера не было ни мебели, ни удобств. Только русская печь да узкие, похожие на бойницы окна, плотно заколоченные досками. А ещё там было чучело громадной птицы, похожей на буревестника, прикреплённое к потолку таким образом, чтобы создавалось впечатление, будто она летит. Буревестник со стеклянными глазами, видимо, был для старого революционера неким символом, с которым ассоциировалось у него представление о настоящей свободе. О настоящем полете мечты.

Проходя по одной из пыльных комнат мемориальной

квартиры, Вася Карпиков случайно задел за угол выцветших обоев, после чего вынужден был с ужасом отскочить в сторону. Ибо вся стена дома оголилась, и нашим взорам предстали плакаты времен коллективизации. Тут были строгие лица рабочих и крестьян с беспощадными взорами, с бровями, сведенными к переносице. Какие-то топорные, но больно бьющие в цель стихи, призывающие к борьбе с православной верой. Плакаты с цитатами Троцкого, Луначарского, Свердлова и Когановича.

– Ужас какой! – искренне произнес Вася, разглядывая их. – Сколько всякой дури! Вы только послушайте:

Партия Ленина шлет вам привет.

Бар и князей на Руси большие нет!

Правда, позднее, когда мы приступили к ломке старого дома, эта квартира нас не обременила. Бревна в ней буквально распадались на части. Всё тут стало от времени рыхлым и легким, не имеющим ни веса, ни упругости. Создавалась такое впечатление, будто эта часть дома начала растворяться в вечности как бы сама по себе. Хотя по всему было видно, что гниль в эту квартиру пробралась когда-то из соседней комнаты, расположенной за тонкой бревенчатой стеной, где уже давно протекла, а потом провалилась деревянная крыша. Говорят, в этой второй квартире жил когда-то отставной работник НКВД. Там в полумраке всё ещё стояла гро-

моздкая темная мебель, должно быть конфискованная когда-то у местных богачей. Среди этой мебели мое внимание привлекла тучная конторка на овальных дубовых ножках, потом – массивный книжный шкаф без стекла, до краев забитый какими-то желтыми газетами. Я обратил внимание на печь в синих изразцах. Потом на кресло без кожи, сквозь рваную обшивку которого проросли охряные от ржавчины спирали пружин.

Когда мы открыли дверь в третью часть дома, где стекла и стены были как новые, из неё бесшумно выпорхнула яркая птица, похожая не то на попугая, не то на большую синицу. Эта странная птица молнией метнулась в весеннее небо и растаяла в нём.

– Должно быть, сова, – решил Колька Замес.

– Нет, в старых домах совы не живут. Это, скорее всего, летучая мышь, – возразил ему Вася.

– Эх, ничего-то вы не знаете! – прервал их спор Александр Петрович с видом бывалого человека, – это птица «домовица», где придумает, там и поселится. Она людям счастье приносит, детей веселит, а старость отодвигает. Кто её ночью увидит – тому удача, а кто днем – тому горе.

– Почему же – горе?

– Потому что она не для глаз, её надо сердцем чувствовать.

– Ты наговоришь, тебя только слушай, – осадил его Колька Замес. – Птица домовица. Придумал чего!

После этого мы упорно работали на разборке дома два долгих летних дня, но гора древесной щепы и разной никому не нужной гнили на месте будущего строительства всё никак не убывала. При взгляде на эту гору у меня возникало такое чувство, будто я влип в какую-то тоскливую и длинную историю. Причем эта история явно была без счастливого конца.

Выпивать после второго рабочего дня мы устроились возле забора за густой раскидистой черемухой, так, чтобы с дороги случайным прохожим нас не было видно. И как только сели, так сразу заметили, что нас уже пятеро. С нами рядом сидит ещё один человек, которого мы, кажется, совсем не звали – это Боря Мамонт. Боря Мамонт нигде не работал вот уже несколько лет, но каждый день к вечеру был пьян и, странным образом, всегда оказывался там, где пьют. Такая была у него натура.

Вскоре я разгадал его тайну. Эта тайна оказалась достаточно примитивной. Просто каждый день с утра он появлялся у местного гастронома в своей обычной пятнистой куртке и сутуло стоял там, поджидая «гонцов» попроще. А когда покупатель спиртного с товаром оказывался на улице, – нагло «садился ему на хвост», то есть приставал с разного рода разговорами и расспросами, стараясь не упустить этого человека из вида. Проще говоря, преследовал. К тому же многие местные жители Бориса попросту побаивались, и завоевывать авторитет среди них ему было не нужно. Здесь его и так все знали по впечатляющему тюремному прошлому и серии

показательных драк возле Дома культуры.

Так Боря Мамонт оказался в нашей компании, и потом, уже в процессе работы, когда мы кружком садились возле сумки с бутылками и закуской, он непременно откуда-то появлялся. Вырастал, можно сказать, из-под земли, из-под куска рубероида, из-под тюка пакли, даже порой из-под листа ребристого шифера, лежащего возле дороги. Боря Мамонт много пил, быстро пьянел и обещал нам когда-нибудь спеть самую блатную лагерную песню, которую переписал ему в общую тетрадь один московский фраер в Пермских лагерях. В виде благодарности и от широты души он порывался набить рожу тому, кто против нас «пойдет», плохое слово скажет или посмотрит на нас косо. Называл Александра Петровича «мощным стариком» и призывал нас всех прислушиваться к нему как следует, потому что он фронтовик и много чего повидал в своей косматой жизни. Не то, что мы – салаги.

Когда от сломанного дома оставалась уже небольшая куча пыльного хлама, хозяйка его третьей части, Мария Федоровна, вдруг наотрез отказалась от дров.

– Куда хотите, туда и девайте, – закричала она, когда мы привезли ей под окна очередную телегу гнилья. – И так уже всё кругом заложили этим мусором. Не пройти – не про-

ехать.

– Ну, тогда продавать начнем, – шутя, ответил Замес.

– Продавайте, только не возите больше. Уже соседи начинают жаловаться. Всю лужайку у них захлामीла – телят привязывать негде. Не возите больше, не надо.

Первую тележку на продажу мы грузили с энтузиазмом, с приподнятым настроением: хоть какая-то компенсация за наши труды, за пыль, которая оседает в наших легких, за пот, который просолил наши выцветшие рубахи, за усталость. И никто из нас почему-то не вспомнил про Анну Федоровну, родную сестру Марии Федоровны, которая всегда чем-то недовольна, а особенно тем, что местный колхоз ничего не заплатил ей за кучу её мусора в сломанном доме. Никто из нас и предположить тогда не мог, что уже на следующий день Анна Федоровна придет искать свое и узнает про злосчастную телегу дров, проданную нами накануне. Мы ещё и ещё раз увидим её сгорбленную фигуру среди местных старушек, живо переговаривающихся о чем-то между собой. Потом она пройдет мимо нас неуверенной, медленной походкой, внимательно посмотрит на всех и ничего не скажет. Будет ждать чего-то в отдалении. Потом подойдет ещё раз и спросит, кто у нас бригадир, чей это трактор с телегой стоит возле порушенного дома. Я мельком увижу её бледное лицо, хитрые прищуренные глазки, и мне покажется, что она чем-то очень похожа на старую ведьму из детского кинофильма пятидесятых годов. До этого момента я всегда испы-

тывал жалость к ветхим старушкам, живущим в крупных городах. Ведь город – это страна молодых. Там особенно остро ощущается старость, запрятанная в скорлупу одиночества, среди обольстительно-молодой городской суеты и тщеславия. Поэтому, наверное, в городе такие скверные старушки. Они живут завистью. А после того как я увидел Анну Федоровну, мне стало жаль её, хотя внешне она была ничуть не лучше.

Вторую телегу дров мы грузили под хмельком. Работа шла весело, но и тут быстрее всех работал Василий, его потная спина то и дело попадала мне на глаза. Вася весь покраснел, смачно покрывал и отдувался, как будто этот однообразный труд доставлял ему некое удовольствие. Надо сказать, что в таких натурах, как Вася, во время тяжелой работы всегда появляется что-то родное и привычное. Это, наверное,

оттого, что, не смотря на всё своё трудолюбие, такие люди никогда хорошо не живут и к благосостоянию не стремятся. Они даже не хотят потребовать к себе должного уважения. И это всем окружающим почему-то нравится. Мы ласково и снисходительно называем их – «святая простота». Погода стояла жаркая, а Вася между тем приходил на работу в резиновых сапогах и уверял нас, что ноги у него совершенно не потеют. Он так привык. Правда, иногда Колька Замес показывал заскорузлым пальцем на его литые сапоги и спрашивал с издевкой:

– Ты чё, Вася, на туфли заработать не можешь, в натуре?

– Да в сапогах практичнее, – смущенно улыбался Вася.

Но Колька не унимался, он продолжал:

– Ты скажи, сколько фунфыриков после последней полочки заглотил? А? Не помнишь? Так я тебе скажу. На пару хороших туфель – это точно. Так что не прибедняйся. Смело подходи к бабе и вымолачивай из неё стольник. Скажи, я тебя кормлю, обуваю-одеваю, а ты мне лапти купить не можешь. На кой черт ты тогда мне нужна, коза драная! Скажи ей.

Он говорил что-то ещё такое же грубое и несуразное, что в другое время и в другом месте могло бы покоробить, но сейчас почему-то вызывало смех, было в порядке вещей. Мне даже показалось, что я в этой новой для себя обстановке постепенно теряю ту интеллигентную окрыленность, которая сопровождала меня в Ленинграде. Я становлюсь та-

ким же, как эти мужики с потными спинами. И мне от этого не обидно. Мне ничего не жаль. Ведь я сам выбрал этот путь.

Однажды после работы я решил пройтись по селу. Это было как раз то время, когда в Ленинграде я посещал изостудию или отправлялся к Михалычу совершенствовать рисунок. Там каждый вечер я был занят чем-то полезным. Здесь же долгими вечерами я порой не знал, куда себя деть. Моя душа изнывала от пустоты, оттого что мне некому высказать душу, поделиться сокровенными мыслями. Хорошо ещё, что весенняя тёплая улица с детства манит меня, особенно, когда установится, как сейчас, безветренная, мягкая погода, и от этого пение птиц как бы усиливается, становится близким, отчетливым – каждая трель на своем месте.

А может быть, это был только повод. На самом деле – мне очень хотелось заглянуть в библиотеку и вновь увидеть Жанну. Её спокойные, большие глаза с тяжелыми веками, её чистое и бледное лицо с маленькой родинкой над верхней губой. У меня было предчувствие, что вся моя дальнейшая жизнь будет зависеть от этой встречи, от первого впечатления, которое я произведу на эту женщину.

Я дошел до центра села и никого, к своему удивлению, не встретил. У промтоварного магазина повернул направо, к массивному зданию из красного кирпича, обогнул неболь-

шую круглую лужицу перед его входом, открыл тяжелую деревянную дверь и оказался внутри низкого, тёмного коридора, ведущего в библиотеку. Когда я вошел в большой зал библиотеки, Жанна Ладан по привычке рассеянно на меня посмотрела, потом так же привычно вежливо со мной поздоровалась, но уже в следующее мгновение в её глазах неожиданно появилась искорка любопытства. Она широко улыбнулась и пригласила меня подойти поближе. Спросила, что меня, как читателя, больше всего интересует. Я ответил, что в последнее время увлекся иностранной литературой.

– Какие авторы вам близки? – уточнила она.

– Сол Беллоу, Марсель Эме, Альберто Моравиа, – ответил я.

Она на какое-то время озадаченно задумалась, а потом подсказала, где эти книги можно найти, если конечно данные авторы есть в наличии. В тот день Жанна была в тёмно-коричневом шерстяном костюме, гладких матово-блестящих, плотно облегающих её икры колготках и серых туфельках на низком каблуке. Густые, каштанового цвета волосы упругими волнами спадали ей на плечи и спину. По их контуру едва заметно серебрился курчавый пушок.

– Вы будете записываться или сначала посмотрите книги? – спросила она.

– Посмотрю. Я здесь давно не был, – ответил я и нерешительно начал продвигаться между узкими, отяжелевшими от книг стеллажами, выискивая вовсе не известные всему миру произведения, а нужную мне позицию, с которой я лучше всего смогу рассмотреть Жанну, не привлекая к себе внимания... И такая позиция вскоре нашлась в дальнем конце библиотеки, в тени породистого фикуса, как раз возле окна, на котором уютным рядком разместились в глиняных горшках цветущие бегонии. Отсюда Жанна Ладан показалась мне очень привлекательной, но какой-то чересчур хрупкой, что ли, лишенной той округлости форм, которыми пленяла меня Маргарита. Приглядевшись к Жанне, как сле-

дует, я понял, что ошибался. Ничего от Маргариты, кроме контура глаз, в ней нет. Даже голос был у Жанны совершенно другой: более громкий и грубый, лишенный скрытых магических ноток, предполагающих соблазн. И шея у Жанны была слишком худой, слишком короткой, а нос непривычно острый.

– Что-нибудь выбрали? – вдруг спросила Жанна, подняв на меня свои крупные глаза.

– Нет, нет ещё, – машинально ответил я и так же машинально протянул руку к какой-то книге в сером переплете. Подвинул книгу на себя, склонил набок и прочел Сергей Довлатов «Ремесло». «Кажется что-то знакомое», – подумал я. Мой лоб наморщился от показного раздумья и неожиданно возникшей неловкости. Потом я случайно вскинул глаза на Жанну и увидел, что она смотрит на меня, иронично улыбаясь. Терпеть не могу этих женских улыбок без повода. Проще говоря, смущаюсь, начинаю теряться в догадках: чем мог её рассмешить? Сказал что-то не так или сделал? Или, может быть, у меня какой-то нелепый вид? В детстве я много и болезненно переживал из-за этого, да и сейчас что-то подобное случается со мной иногда. Какая-нибудь несуразность, выбивающая из колеи, после которой я впадаю в ступор.

Я сделал шаг назад, чтобы исчезнуть с глаз. Спрятался. Теперь я уже толком не знал, как смогу к этой женщине подступиться. Тишина, ярко-желтый свет лампы под матерча-

тым абажуром у неё над головой и этот ироничный взгляд сделали свое дело. Каких-либо четких планов знакомства я не имел, поэтому вся процедура сближения скомкалась. Мои мысли, всегда склонные к романтической образности в преддверии чуда, сейчас не спасали меня, а скорее, наоборот, угнетали. Я мучился желанием предстоящего знакомства и никак не мог перевести его в практическое русло. Не было ни повода, ни смелости заговорить с Жанной о чем-то своем, о близком мне, о личном. К тому же Жанна казалась мне всего лишь одиноким маяком, ориентиром движения к будущему причалу. Я не знал даже её ли мне нужно или женщину ещё более похожую на Маргариту?

Наконец, я набрался смелости и спросил о поэте Иосифе Бродском. Где я могу его найти? Жанна снова рассеянно посмотрела на меня и ответила, что поэзия справа, на верхней полке.

– Но ни Мандельштама, ни Бродского, скорее всего, там нет – уточнила она. – У нас только классики от Пушкина до Ахматовой.

– А Цветаева есть?

– Цветаева у кого-то на руках, – ответила Жанна.

«И тут неудача», – обреченно подумал я. Сейчас я уже точно знал, что знакомства сегодня, увы, не получится. Что теперь надо просто с честью отступить. Но сдаваться мне почему-то не хотелось, и в душе был тот странный весенний настрой, когда очень хочется быть незаслуженно счастливым,

ветренным и даже чуточку нахальным. Во время этих раздумий внезапный вечерний свет из окна окатил оранжевым светом гладкие щеки Жанны, её пышные волосы в нимбе серебристого пушка. И в ней сразу появилось что-то очень знакомое, что-то родное. Я весь напрягся, глубоко вздохнул, намереваясь сказать ей первый комплимент, и... ничего не сказал. Слов не было. Только восторг и благоговение, да ещё какая-то возвышенная пустота в голове. Под моей рукой оказалась какая-то книга. Я взял её со стеллажа, открыл наугад и прочитал: «Франц, ещё лежа навзничь, близорукими, мучительно сощуренными глазами посмотрел на дымчатый потолок и потом в сторону – на сияющий туман окна. И чтобы высвободиться из этой золотистой смутности, ещё так напоминающей сновиденье, – он потянулся к ночному столику, нащупывая очки». Прочитав это, я вдруг понял, что мне тоже не хватает ясности. Только я гляжу на мир сквозь розовые очки, которые на моей переносице постоянно. Вернее, они в моем мозгу. И с этим ничего нельзя поделать. На себя я гляжу критически, вовне – с долей здорового скептицизма, а на женщин – всегда с удивлением, с какими-то расширенными зрачками, излучающими обожание. Глядя на хорошенькую женщину, я начинаю фантазировать, представлять себе её жизнь, подмечать привычки: как она ходит, работает, танцует. Хорошенькая женщина для меня – это целый мир, по которому можно изучать внутреннюю сущность человека, то есть плыть, продвигаясь от одной загадки к другой, от од-

ного открытия к другому. И это путешествие не надоедает, скорее – наоборот – с каждым поворотом судьбы оно становится всё увлекательнее. . . Но сейчас мне пора было уходить, надо было признать, что мой первый шаг к будущему знакомству оказался неудачным.

Анна Федоровна появилась у строящегося дома на следующий день. На этот раз она пришла бодрой походкой хищника, выследившего добычу. Как-то слишком проворно, слишком легко подскочила с дороги к Александру Петровичу, который в это время не спеша перематывал фланелевые портянки, и вкатила ему оплеуху.

– Ты что это делаешь-то, старая твоя рожа? – закричала она, не давая старику опомниться. – Ты чему бригаду-то учишь?

– Не понял? – проямлил, удивленно тараща глаза, Петрович.

– Воровать учишь?

– Ничего не понял!

– А кто вчера телегу дров продал? А? Думаешь, не знали, что это мои дрова? Знали. И за дом, и за хлев мне колхоз ничего не заплатил, кругом меня обобрали, и вы ещё мои дрова продаете? Как это понимать? А?

– Так ведь дом-то Марии Федоровны. Она говорит, что ей

дров больше не нужно.

– Дом дедушкин. А я его внучка, такая же, как Маша.

– Вот тебе на!

– Может, я за свою половину дома каждый год по двадцать рублей одной страховки платила, а стоит он пустой уже десять лет. Вон сколько денег-то набежало... Вот пусть мне за эту страховку всё до копейки и выплатят. А то я на вас в суд подам.

– А мы-то тут причем? – не понял Петрович. – Мы ничего не знали. Маша от дров отказалась – вот мы и продали.

– Да как это? Не знали они! Я страховку платила, а дрова, значит, ей? Вот как! Хорошо получается, ничего не скажешь.

– Мы не знали. Говорят же тебе.

– Вот и я ничего знать не хочу. Поеду завтра в город, прокурору заявление напишу. Пусть разбираются. Или страховку мою возвращайте обратно. Или дрова везите.

– Мы строители. Мы тут ни при чем, – попробовал объяснить бригадир.

– Да как это ни при чем, – не унималась старуха. – Дрова-то ведь вы продали? Продали. Кто же тогда мне деньги заплатит?

– В колхоз иди. Говори там. Может, они придумают чего, – решил вставить свое слово Коля Замес.

– Вот как!

– Да. А как иначе.

– Это, значит, зря мы с мужем деньги платили? Это, зна-

чит, зря у меня мужик на фронте был, весь израненный пришел? Это зря всё, что ли?

– Раньше надо было думать, бабуся.

– А ты не кричи на меня! Мне и так тошно.

– Раньше надо было думать. Надо была в колхозную контору идти рядиться.

– Я ходила, рядилась.

– Ну и чего они тебе предложили?

– Пятьсот рублей.

– Вот и надо было брать.

– Дак ведь я им ломать-то запретила. Запретила ломать я. Это они сами придумали.

– А сейчас не спрашивают, милая моя. Сейчас сносят всю рухлядь и всё.

Анна Федоровна немного помолчала в раздумье, потом спохватилась и закричала вновь:

– Ты мне зубы-то не заговаривай! Я тебя знаю! Жулика. Вы мне, как хотите, а сто рублей находите. Иначе я к прокурору завтра поеду. Как хотите, так, и делайтесь теперь. Дрова мои продали? Продали. Дом у меня сломали? Сломали.

– Ну, поезжай тогда к своему прокурору. Только ведь ничего не добьешься.

– А это мы посмотрим ещё, – пообещала старуха.

И она пошла прочь от дома с чувством исполненного долга. Мы стояли и смотрели ей вслед, и ни у кого не нашлось нужных слов, чтобы что-то сказать. Только когда она скры-

лась за поворотом, почему-то поднялся страшный гвалт. Петрович стал упрекать Кольку Замеса за то, что тот придумал телегу дров продать, – проку, в сущности, никакого, а сраму – за век не расхлебать. Тот рассердился, стал оправдываться: «Пили-то вместе, чего теперь виновного искать». И только Вася тихо сказал, с удрученным видом присаживаясь на землю: «Видно, придется платить, мужики. Что теперь поделаешь. Дрова-то действительно продали». И все мы удивленно на него посмотрели. Странная какая-то у Васи логика. Сидит он на пыльной земле с потным лицом в серой выцветшей рубашке, весь какой-то худой, некрасивый и рассуждает о справедливости, которую по отношению к нему никто никогда не проявлял. Зато он почему-то со всеми должен быть справедливым, всем должен помочь, всех успокоить. Эта его обескураживающая простота порой раздражает больше, чем пьянство, чем всё остальное, вместе взятое. И почему он такой? В церковь не ходит, Богу не молится, матерится порой, как сапожник, но душа у него при этом удивительно искренняя, до странности жалостливая. Душа по-настоящему верующего человека.

На следующий день я, шутя, разрисовывал мелом железную будку, которую нам привезли для хранения дорогих инструментов и стройматериалов. Будка была старая, некази-

стая, обитая каким-то ржавым железом и служила, по всей видимости, последний сезон. Я привычно орудовал мелом, как карандашом, а остальные члены бригады стояли у меня за спиной и давали мне, как им казалось, дельные советы.

– Сверху напиши: «Стройка века», – советовал Замес.

– А внизу нарисуй зайца и волка, – дополнил Вася. – И в углу ещё Петровича нарисуй с бородой.

– И с бутылкой водки, – продолжил Замес.

Погода была прекрасная, настроение бодрое, можно сказать боевое. Конец мая. Да что там говорить. Раньше в такое время я лежал где-нибудь на плоской крыше сеного сарая и, сощутив глаза, смотрел в небо, загорая и созерцая медлительные стаи белых облаков. Внизу уже шуршали лопухи, вся в сизых гроздьях соцветий млела под солнцем сирень, и всё вокруг было такое цветное, такое глянцевитое от свежей зелени, что поневоле думалось о хорошем. А сейчас из всего мая запомнилось только то, как мы ломали старый дом. Особенно отчетливо тот момент, как обрушился потолок, когда мы подцепили тракторный трос за угол дома и потянули. Дом накренился, заскрипел и стал медленно, со скрежетом заваливаться на один бок, как раненый зверь. Потом в нем что-то громко треснуло, как будто сломался у дома позвоночник, он страшно и протяжно застонал всем своим нутром и обессилено рухнул в серое облако пыли... Вот и всё. Дом умер. Перестало существовать гнездо человеческое. И мне подумалось, что когда-нибудь люди вот так же

сломают и наши дома. От нас на земле ничего не останется. Не будет даже того уголка, в котором мы когда-то жили, тех предметов, которые мы видели каждый день, которые любили.

После обеда в тот же день мы делали разметку под фундамент будущей новостройки. Когда разметка была закончена, мы с Васей, вооружившись лопатами, принялись копать траншею под фундамент. Сначала работа пошла споро, гора земли с правой стороны от будущего фундамента быстро росла, и довольно скоро я с удивлением заметил, что величина траншеи этой горе как бы не соответствует. Эта гора земли явно была больше. Яма на месте будущего фундамента вглубь росла медленнее, чем этот черный бархан. К тому же моя спина вскоре стала мокрой, а плечи заныли от надвигающейся усталости.

Вдруг Вася перестал копать, выпрямился и с восхищением проговорил:

– Оцени!

– Что?

– Подними башку-то.

Я поднял голову и только тут понял, что это восклицание, скорее всего, должно относиться к какой-то проходящей мимо нас женщине. Повернул голову в сторону дороги и тотчас нашел её глазами. По деревянному настилу мимо нас проходила Жанна Ладан. Всё в ней на этот раз было восхитительно, эффектно и ярко: высокая грудь, полные ноги в гладком

капроне, пышные каштановые волосы. Да что там говорить. Это было явление из другой жизни, в данный момент далекой. Из той жизни, где есть проза и поэзия, живопись и архитектура, фонтаны и скульптуры в тенистых парках. Где всё тонко, изящно и пахнет цветущими ландышами.

– Даже не верится, что когда-нибудь она станет чьей-то женой, – с грустью заключил Вася.

– Да, – отозвался я, чтобы хоть что-то сказать.

– Выйдет замуж, научится материться, как моя кобра, – продолжил Вася. – По дому будет ходить в грязном халате и своего мужика дармоедом называть... Потом ему, пьяному, от расстройства в рожу даст, разорется. Мужик ей фингал поставит, и пошло-поехало.

Дальше слушать Васю не хотелось. С Жанной такого не случится. Она другая. К чему этот глупый разговор.

Когда Жанна скрылась с глаз, я вспомнил свои школьные годы. То время, когда мне нравились невесомые юные создания – мои ровесницы. Вспомнил и задумался. Была среди них одна, которая нравилась мне больше других, и во все не потому, что обладала прекрасной фигурой. Нет. Она не была даже в центре внимания. Она плохо училась и часто пропускала уроки ни с того ни с сего. Я не знал ни её родителей, ни её близких друзей. Она всегда была одна. Знал только, что она не такая, как все, и по каким-то отрывкам фраз, услышанным в компании курящих в дощатом туалете парней, догадался, что она испорченная, что она тоже ку-

рит, что она умеет целоваться и ценит в мальчиках настоящую мужскую силу. И, что самое странное, – это в моих глазах её не унизило. Наоборот, я ещё внимательнее стал присматриваться к ней. Потому что она знала запретное. Она не только обладала тайной – она знала к этой тайне дорогу. Тогда, наверное, и пришло ко мне то чувство, которое сделало взгляд на женщин опьяняющим. Особенно в том случае, если в женщине есть нечто таинственное... Сейчас я не знаю, где эта девочка, какой она стала, я даже не могу отчетливо представить себе её лицо, но когда я вспоминаю о ней, мне всегда становится жаль чего-то. Жаль, что на людных школьных вечерах она стояла где-то в отдалении – невысокая, полненькая, с печальными, но удивительно лучистыми глазами. Сколько раз я мечтал подойти к ней и заговорить, но так и не подошел, не заговорил. А потом узнал, что она переехала вместе с родителями в районный городок, там пошла по рукам и за какую-то незначительную кражу попала в тюрьму. После этого у меня долго было такое чувство, будто я своей любовью мог спасти её, но не спас, мог ей помочь, но не успел.

В тот день вечером, во время перекура, Александр Петрович почему-то заговорил о своей нелегкой довоенной жизни. Слушать его было интересно, и поэтому Вася неожиданно предложил:

– А может, ещё про войну расскажешь что-нибудь, Петрович? Там, говорят, много было интересного.

Александр Петрович озадаченно замолчал, потом затушил сигарету о голенище сапога и без особого энтузиазма ответил:

– Не знаю... Помню, конечно, как голодали, как спали под открытым небом, как дохлых лошадей ели да воробьев. А интересного ничего не помню. Хоть убей.

– Да ну, – не унимался Вася, – ведь гнали же немцев до самого Берлина, чего ещё надо? Жуков был, Конев, Говоров. Знаменитые генералы.

– Ну?

– И Рокоссовский ещё.

– А сколько солдатусек наших, Петровых да Сидоровых на этой войне полегло? Не помнишь?

– Много. Зато и победа была. Куда от этого денешься. Все-му своя цена. Мы, русские, за всё сполна платим.

Вася на секунду задумался, потом вздохнул и продолжил:

– Да и не надо нам ничего даром.

– Нашел над чем шутить, – обиделся Александр Петрович.

– А я не шучу. Это на самом деле так. Посмотри кругом. Что бы в России ни происходило – у нас всегда на первом месте идея, а человеческая жизнь на втором. У нас всегда событие важнее судьбы.

Последняя фраза Васи чем-то меня поразила. Я подумал, было о том, что хорошо бы с Васей как-нибудь по душам поговорить, узнать его поближе. То есть, в который раз уже

убедился, что внешность человека обманчива. Она ни о чем не говорит. И порой настоящая суть его открывается неожиданно и ярко только однажды, почти случайно, когда ты этого совсем не ждёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.